

Orhan
PAMUK
1952

Орхан
ПАМУК

Музей Невинности

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.512.161
ББК 84(5Тур)-44
П 15

Orhan Pamuk
MASUMIYET MÜZESİ
Copyright © 2008, Orhan Pamuk
All rights reserved

Перевод с турецкого Аполлинаруи Аврутиной

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

Памук О.

П 15 Музей Невинности : роман/ Орхан Памук ; пер.
с тур. А. Аврутиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Ат-
тикус, 2019. — 608 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-10134-0

Лауреат Нобелевской премии, блестящий турецкий писатель Орхан Памук приглашает читателей в удивительный музей, хранящий богатую коллекцию разнообразнейших предметов, среди которых: маленькая сережка, бумажный ворох билетов в кино, потемневшие фотографии полузабытых знаменитостей, флакон туалетной воды, фарфоровые собачки, 4213 окурков, женские платки, останки старой машины, рисунки, чашки, особая карта Стамбула...

Все эти вещи — память о счастье, оставшемся в прошлом, слабые следы на песке времени, по которым возможно вернуться назад и вновь пережить волнующую историю любви...

УДК 821.512.161
ББК 84(5Тур)-44

ISBN 978-5-389-10134-0

© А. С. Аврутина, перевод, 2009
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Рюйе

Они были столь чисты, что считали бедность грехом, который им простят, стоит только заработать денег.

Из записной книжки Джеляля Салика

Если бы некто во время сна побывал в раю и дали б ему цветок в доказательство, что воистину душа его там очутилась, что молвил бы он, пробудившись и узрев цветок в руке своей?

Из черновиков Сэмюэла Тейлора Колриджа

Я рассматривал ее вещицы на туалетном столике: украшения, баночки, безделушки. Прикасался к ним, брал, подносил к глазам. Подержал в руке ее крохотные часики. Заглянул в платяной шкаф. Ее одежда, ее платья... Вещи, дополняющие каждую женщину, навеяли мне чувство невероятного одиночества и боли, и мне захотелось, чтобы она оказалась рядом.

Из черновиков Ахмета Хамди Танпынара

1

Счастливейший миг моей жизни

Если бы знать, что тот день окажется счастливейшим в моей жизни. А если бы даже я и осознал это, смог бы удержать свое счастье, чтобы потом все обернулось иначе? Думаю, да. Скажи мне кто-нибудь, что никогда больше оно не повторится, не упустил бы его. Мгновения счастья, исполненные золотым сиянием света, подарили всему моему существу чувство глубокого покоя. Вероятно, они длились несколько секунд, но тогда мне думалось, что нет им числа.

Это случилось в воскресный день 12 мая 1975 года. Часы отмерили без четверти три. На какой-то миг показалось, что земля избавилась от времени и силы притяжения, а мы стряхнули угрызения совести, освободились от раскаяния, боязни возмездия и сознания греха.

Плечо Фюсун было влажным от жары и страсти. Я поцеловал его и, обняв ее сзади, нежно проник в нее, легонько кусая ей мочку левого уха. Вдруг сережка Фюсун, в виде заглавной буквы ее имени, выскользнула из мочки, на миг будто воспарила в воздухе и упала на голубую простыню. Но нас так захватило счастье страсти, что мы совершенно не заметили ту сережку и продолжили целоваться.

За окном сияло солнце, какое бывает в Стамбуле только весной. На улице день ото дня становилось все теплее, хотя в домах и в тени деревьев еще чувствовалась зимняя

прохлада. Такая же прохлада исходила и от пропахшего старьем матраса, на котором мы нежились, беспечно позабыв обо всем на свете. Из открытой балконной двери подул весенний ветер, принесший в комнату ароматы моря и липы. Он поднял тюлевую занавеску и медленно опустил ее на нас, отчего мы оба вздрогнули.

Из окон крохотной комнаты на втором этаже, в которой стояла кровать, нам было видно мальчишек, гонявших мяч во дворе, согретом первым весенним солнцем. Они яростно бранились, и мы, заметив, что сами повторяем те же бесстыдные слова, на мгновение остановились и, посмотрев друг на друга, рассмеялись. Но наше счастье было таким огромным, таким безмерным, что мы тут же забыли о забавной шутке, которую принесла нам с улицы жизнь, как забыли и об этой сережке.

На следующий день Фюсун сообщила мне, что не может найти свою именную сережку. Признаться, я заметил ее в складках голубой простыни, но вместо того, чтобы положить на видное место, повинувшись какому-то внутреннему голосу, опустил ее в правый карман пиджака. Когда Фюсун сказала о пропаже, я засунул руку в карман висевшего на стуле пиджака: «Дорогая моя, вот она!» Однако сережка исчезла. Неожиданно меня сковало предчувствие надвигающейся беды, но память поспешила на помощь: с утра было жарко и я надел другой пиджак. «Она, наверное, осталась в нем».

— Пожалуйста, принеси завтра обязательно, только не забудь, эта сережка очень дорога мне, — серьезно сказала Фюсун, чьи бездонные глаза стали еще темнее.

— Хорошо.

Фюсун недавно исполнилось восемнадцать лет. Она была моей дальней и бедной родственницей, троюродной сестрой, о существовании которой еще две недели назад я даже не вспоминал. Мне же стукнуло тридцать. У меня вскоре намечалась свадьба с Сибель, с которой, по единодушному мнению стамбульского света, мы составляли прекрасную пару.

Случайные события, которым предстояло повлиять на мою жизнь, начались с того, что за две недели до описанного майского дня мы с Сибель увидели в витрине одного дорогого магазина сумку известной тогда марки «Женни Колон». Обнявшись, мы шли с моей невестой по проспекту Валиконак, наслаждаясь прохладой теплого весеннего вечера, немного хмельные и совершенно счастливые. За ужином в дорогом ресторане «Фойе», недавно открывшемся в нашем районе, самом фешенебельном в Стамбуле, Нишанташи, мы подробно рассказывали моим родителям о том, как идет подготовка к нашей помолвке. Ее назначили на середину июня, специально ради Нурджихан, подруги Сибель по стамбульскому лицей «Нотр-Дам-де-Сион», с которой они вместе учились в Париже. У самой дорогой и модной портнихи Стамбула, Ипек Исет, Сибель давно сшила себе платье к помолвке. Тем вечером они с моей матерью обсуждали, как прикрепить к платью жемчуг, который мать собиралась подарить невестке. Мой будущий тесть часто говорил, что помолвка его единственной дочери должна по пышности не уступать настоящей свадьбе, и такие слова очень нравились моей матери. Отец тоже радовался, что женой его сына станет такая умница, как Сибель, ведь она училась в Сорбонне. В те времена во всех богатых и знатных стамбульских семьях было принято говорить, что дочь училась в Сорбонне, если она что-то когда-то изучала в Париже.

После ужина я повел Сибель домой. Нежно обнимая ее за крепкие плечи, с гордостью думал о том, как же мне повезло и как я счастлив. И вдруг Сибель воскликнула: «Ах, какая сумка!» Хотя от вина немного плыло в глазах, я сразу запомнил и сумку на витрине, и магазин, а на следующий день отправился ее покупать. Я никогда не охотился за женщинами, никогда не стремился понравиться им во что бы то ни стало, осыпая избранниц изящными

подарками и при каждом удобном случае посылая букеты. Хотя в глубине души, наверное, и мечтал стать столь утонченным ухажером.

Надо сказать, что в те годы богатые и европеизированные стамбульские домохозяйки, скучавшие от безделья в роскошных особняках Шишли, Нишанташи или Бебека, открывали не картинные галереи, как сейчас, а магазины модной одежды для таких же богатых и скучающих домохозяек, как сами. Там торговали до смешного дорогими вещами, сшитыми турецкими портнихами по картинкам из французских журналов вроде «ELLE» и «Vogue», а также безделушками и аксессуарами, часто поддельными, которые скупались по дешевке в Париже или Милане и в огромных чемоданах привозились в Турцию. Много лет спустя я разыскал владелицу модного магазина, в витрине которого Сибель заметила в тот вечер сумку. Шенайханым¹ напомнила мне, что она, оказывается, тоже, как и Фюсун, наша дальняя родственница по материнской линии. Без лишних вопросов о причинах столь чрезмерного интереса ко всем старым вещам, связанным с «Шанзелизе» и Фюсун, она отдала мне все предметы, которые сохранились у нее от магазина, вплоть до вывески, и мне подумалось, что многие минуты пережитого бывают запечатлены в памяти гораздо большего числа людей, чем мы можем себе представить.

Около полудня следующего дня я открыл дверь «Шанзелизе», и маленький бронзовый колокольчик, в форме верблюда, двумя молоточками возвестил о моем приходе, издав тихий звон, от которого сердце у меня колотится быстрее до сих пор. Стоял жаркий весенний полдень, а в магазине царил прохладный полумрак. Сначала я решил, что здесь никого нет. Только потом заметил Фюсун. Глаза еще привыкали к темноте, когда меня вдруг будто жаром обдало.

¹ Ханым — госпожа, вежливое обращение к женщине. — *Здесь и далее примеч. пер.*

— Здравствуйте, — сказал я. — Хочу купить сумку с витрины, — и подумал: «Какая красивая девушка! Навероятно красивая!»

— Кремового цвета, «Женни Колон»?

Наши взгляды встретились.

— Ту, что на манекене, — пробормотал я как во сне.

— Понятно, — улыбнулась она и направилась к витрине. Одним движением сняла с левой ноги желтую туфельку на высоком каблуке и, шагнув босой ногой с ярко-красными ногтями в витрину, потянулась к манекену.

Я посмотрел на брошенную туфельку, а потом на длинные стройные ноги Фюсун. Было только начало мая, но ее длинные и стройные ноги уже покрывал легкий загар. Коротенькая желтая кружевная юбка на молнии, в мелкий цветочек, казалась от этого еще короче.

Она взяла сумку, слезла с витрины, надела туфельку, подошла к прилавку и, расстегнув длинными ловкими пальцами молнию основного отделения (внутри лежала калька кремового цвета), с весьма серьезным и даже таинственным видом продемонстрировала еще два отделения поменьше (там было пусто) и скрытый карман, из которого показался листок бумаги с надписью «Женни Колон» и инструкция по уходу. Мы опять посмотрели друг на друга.

— Здравствуй, Фюсун. Ты меня не узнала? Как ты выросла!

— Нет, Кемаль-бей, я узнала вас сразу, но подумала, что вы меня не помните, и решила не беспокоить вас напоминанием.

Воцарилось молчание. Я опять заглянул в сумку, которую она только что так тщательно мне показывала. Что-то в этой девушке взволновало меня: то ли ее красота, то ли слишком короткая по тем временам юбка, и я чувствовал неловкость.

— Э-э-э... чем ты занимаешься?

— Готовлюсь к поступлению в университет. Сюда вот хожу каждый день. Знакомлюсь здесь с разными интересными людьми.

— Понятно. Сколько за сумку?

Насупившись, она посмотрела на небольшую этикетку, на которой от руки было выведено: «Тысяча пятьсот лир». (В те времена это равнялось полугодовой зарплате любого молодого специалиста.)

— Я уверена, Шенай-ханым с радостью сделает вам скидку. Но сейчас она ушла домой на обед. После обеда она ложится поспать, и звонить нельзя. А вот если вы зайдете вечером...

— Не важно, — перебил я и величественным движением, которое впоследствии Фюсун часто будет комично изображать во время наших тайных встреч, вытащил из заднего кармана брюк бумажник и пересчитал влажные купюры.

Фюсун старательно, но неумело завернула сумку в бумагу и положила в пакет. Пока она упаковывала, мы оба молчали, однако ей доставляло удовольствие, что я люблю ее длинными руками, ее золотистой кожей, ловкими, изящными движениями. Она вежливо протянула мне пакет, и я поблагодарил ее. «Передавай привет тете Несибе и своему отцу». (На мгновение имя Тарык-бея вылетело у меня из головы.) Потом я еще больше смутился, потому что вдруг представил, как обнимаю Фюсун и целую ее в губы, и быстро направился к двери. Фантазия показалась мне дурацкой, да и Фюсун вовсе не такой уж и красавицей.

Колокольчик на двери звякнул опять, и я услышал, как где-то внутри магазина отозвалась трелью канарейка. На улице мне стало спокойнее. Я был доволен, что купил подарок своей любимой Сибель, и решил раз и навсегда забыть про Фюсун и ее магазин.

3

Дальние родственники

Но сохранить встречу с Фюсун в тайне мне не удалось. За ужином я рассказал матери о сумке, внезапно добавив, что встретил нашу дальнюю родственницу.

— Ах да, Фюсун, дочь Несибе?! Она работает тут неподалеку, в магазине у Шенай. Вот бедная девочка! — вздохнула мать. — Они теперь уж и на праздники к нам носу не кажут. Все конкурс красоты! Всегда говорила: дурное тем же и оборачивается! Когда хожу мимо ее магазина, даже здороваться не хочется с бедняжкой! А ведь ребенком я так ее любила! Раньше ведь Несибе шила мне платья, вот дочку с собой и брала. Пока примерка, то да се, Фюсун с вашими игрушками возилась. Подумать только... И ведь какой строгой была мать Несибе, ваша покойная тетя Михривер!

— Кем они нам приходятся?

Отец смотрел телевизор и не слушал нас, так что мама (ее зовут Веджихе), не скрывая гордости, в деталях поведала о родственных хитросплетениях. Когда ее отцу (то есть моему дедушке Этхему Кемалю), родившемуся в один год с Ататюрком (основателем республики) и ходившему с ним в одну и ту же начальную школу, мектеб Шемси-эфенди¹ (что подтверждала одна старинная фотография, найденная мною много лет спустя), исполнилось всего-навсего двадцать два года (а происходило это за много лет до свадьбы с бабушкой), он поспешно женился. Избранница его — юное создание родом из Боснии — и приходилась прабабушкой Фюсун. Она погибла во время Балканской войны, при эвакуации гражданского населения из Эдирне. У несчастной не было детей от Этхема Кемаля, но до него она уже побывала замужем за одним нищим шейхом, за которого ее отдали совсем ребенком, «чуть ли не в младенческом возрасте», как выразилась мама, и от этого брака у нее родилась дочь Михривер. Тетю Михривер (бабушку Фюсун) воспитывали какие-то посторонние люди, но она и ее дочь Несибе (мать Фюсун) почему-то считались нашими дальними родственницами. Мать требовала, чтобы мы называли их «тетями». Жили они неподалеку от мечети Тешвикие, в одном маленьком переулке.

¹ *Эфенди* — господин, сударь, вежливое обращение к мужчине.

Но внезапно отношения между нашими семьями испортились, мать держалась подчеркнуто холодно во время их ежегодных праздничных визитов, и они перестали у нас появляться. Причиной отчуждения оказалась именно Фюсун. Два года назад — тогда ей только-только исполнилось шестнадцать лет и она была ученицей женского лицея Нишанташи — Фюсун приняла участие в городском конкурсе красоты. Тетя Несибе не только не воспротивилась столь смелому шагу дочери, но и, как впоследствии нам рассказали, якобы даже поощряла ее. Мать почувствовала себя глубоко оскорбленной, что тетя Несибе, которую она некогда любила, точно младшую сестру (разница в возрасте составляла у них двадцать лет), и которой покровительствовала, нисколько не смущается и даже гордится таким позором.

Но и тетя Несибе очень любила и уважала мать. В молодости, не имея богатых клиенток, она, заручившись рекомендациями моей матери, начала обшивать многих состоятельных дам.

— Они были невероятно бедны, когда Несибе занялась шитьем, — вспомнила мать. И тут же добавила: — Но разве только они? Все, все без исключения...

В те годы мать советовала тетю Несибе своим подругам как «очень хорошего человека и отменную портниху» и раз в год (а то и два) приглашала ее к нам сшить платье к чьей-нибудь свадьбе.

У нас я встречал ее редко, так как почти все время проводил в школе. Однажды, в конце лета 1957 года, мать пригласила Несибе к нам на дачу в Суадие: ей срочно понадобилось сшить платье к свадьбе друзей. До глубокой ночи мать и Несибе, смеясь и подшучивая друг над другом, точно нежно любящие сестры, колдовали над швейной машинкой «Зингер», уединившись в маленькой дальней комнатке на втором этаже. Оттуда из окон, через просвет листьев пальм, виднелись море, лодки, катера и мальчишки, нырявшие с пристани. И я помню, как обе они, обложившись ножницами, булавками, сантиметрами, напер-

стками, обрезками ткани и кружев из швейной коробки Несибе с классическими видами Стамбула, жаловались на жару, комаров и сетовали, что не успевают закончить к сроку. Помню, как повар Бекри постоянно носил в ту маленькую душную комнату стаканы с лимонадом, потому что двадцатилетней Несибе, ждавшей ребенка, постоянно хотелось кислинки, а мама за обедом всегда говорила повару наполовину в шутку, наполовину всерьез: «Беременной женщине нужно давать все, что ей хочется, иначе ребенок получится некрасивый!» — и я с интересом смотрел на распухший живот тети Несибе.

— Несибе все скрыла от мужа и отправила дочку на конкурс, прибавив ей лет, — раздраженно сказала мать, еще больше сердясь. — Хвала Аллаху, девочка не победила, и это спасло их семью от позора. Узнали бы в школе, точно выгнали бы... А теперь она уже закончила лицей, хотя вряд ли толком чему-то научилась. Все знают, что за девушки участвуют в такого рода конкурсах и как потом складывается их жизнь. Она хотя бы с тобой прилично себя вела?

Мама намекала на то, что Фюсун наверняка встречается с мужчинами. Похожую сплетню я впервые услышал от помешанных на девчонках приятелей по Нишанташи, когда фотография Фюсун появилась в газете «Миллиет» среди фотографий победительниц конкурса. Но столь постыдная тема была мне и тогда совершенно не интересна.

Воцарилось молчание, и мама вдруг, подняв указательный палец, назидательно произнесла:

— Будь осторожен! У тебя скоро помолвка с замечательной и очень красивой девушкой! Лучше покажи мне сумку, которую ты ей купил. Мюмтаз! — (Так зовут моего отца.) — Смотри, Кемаль купил Сибель сумку!

— В самом деле? — с интересом в голосе спросил отец. На его лице появилось выражение искренней радости, будто он хорошенько разглядел подарок и рад, что его сын с любимой невестой счастливы. Но так и не оторвал глаз от телевизора.

Любовь в директорском кабинете

В телевизоре, от которого не мог оторвать глаз отец, мелькала реклама «первого турецкого лимонада „Мельтем“ с соком спелых фруктов». Его вся Турция получала с фабрики моего приятеля Заима. Я пригляделся, ролик получился что надо. Отец Заима тоже был фабрикантом, которому, как и моему отцу, удалось приумножить свое состояние за последние десять лет, поэтому Заим с легкостью затевал новые смелые дела. Я радовался, что моему другу везет в том, над чем и мне приходилось ломать голову.

Я некоторое время жил в Америке. Изучал там в университете азы управления предприятием, потом вернулся обратно. Отслужил в армии, и отец пожелал, чтобы я, как и старший брат, занялся делами фабрики и создававшихся вновь предприятий. Так вышло, что я стал генеральным директором одной из созданных нами фирм, «Сат-Сат», занимавшейся продажей и экспортом текстиля. Контора находилась недалеко от дома, в Харбие. Бюджеты ее постоянно разрастались, как и увеличивались доходы, но не благодаря моим директорским усилиям, а в результате ловких бухгалтерских комбинаций, позволявших переводить прибыль фабрики и иных предприятий в «Сат-Сат». Днями напролет я общался с моими опытными трудолюбивыми подчиненными — сотрудниками, бывшими лет на двадцать-тридцать старше меня, и сотрудницами, обладавшими внушительным бюстом и годившимися мне в матери. Поскольку директорское кресло мне досталось по настоянию отца, основная моя обязанность заключалась в том, чтобы учиться у подчиненных всем тонкостям дела.

Сибель, с которой мы собирались обручиться, приходила ко мне по вечерам на работу, и после того, как старое здание конторы, дрожавшее от каждого проскользнувшего

мимо утомленного автобуса или троллейбуса — а их проезжало немало, — покидал последний человек, мы занимались любовью в моем директорском кабинете. Хотя Сибель считала себя «современной» девушкой, набравшись в Европе феминистских идей о правах женщин, иногда она говорила: «Давай перестанем встречаться здесь, я чувствую себя секретаршей!» Видимо, ее мнение о секретаршах не очень отличалось от расхожего, какого придерживалась, например, моя мать. Когда на кожаном диване у меня в кабинете мы с ней предавались любви, я ощущал некоторую ее сдержанность, но чувствовал, что причина этой сдержанности крылась в типичной боязни турецких девушек начинать интимную жизнь до замужества.

В те годы молодые представительницы богатых европеизированных семейств, поучившись в Европе, изредка нарушали запрет, связанный с девственностью, и отдавались своим возлюбленным. Сибель гордилась, что она из таких «передовых» и «смелых» девушек, поскольку сблизилась со мной одиннадцать месяцев назад. (Мы встречались уже порядочно времени, и явно пришла пора пожениться!)

Признаться, сейчас, по прошествии стольких лет, мне не хотелось бы преувеличивать смелость моей невесты, как и умалять силу общественных устоев, давивших на женщин. Ведь Сибель отдалась страсти только тогда, когда поняла, что «может мне доверять», то есть убедившись сполна в серьезности моих намерений — в том, что я на ней женюсь. А так как я считал себя человеком ответственным и честным, я действительно собирался взять в жены Сибель, чего мне и правда очень хотелось. Но даже если б вдруг у меня появилось желание дать деру, общество не позволило бы мне бросить ее, потому что девушка «подарила мне свою невинность». Бремя ответственности несколько омрачало другое чувство, связывавшее нас: обманчивую иллюзию, что мы — «свободны и современные», поскольку занимаемся любовью до свадьбы.

Неловкость я испытывал, когда замечал тревожные намеки Сибель на то, что нам давно пора пожениться. Но бывали и минуты безоглядного, беспечного счастья. Помню, как однажды, обняв ее в полумраке кабинета и слушая доносившийся снаружи шум автобусов и машин с проспекта Халаскяр-гази, я думал, что мне повезло и теперь до конца дней моих будет только это чувство.

5

Ресторан «Фойе»

Иллюстрированное меню, рекламку, фирменные спички и салфетку ресторана «Фойе», которые составили дорогие моему сердцу предметы музея любви, я раздобыл спустя много лет. Ресторан этот, устроенный на французский манер, едва открывшись, вскоре превратился в излюбленное место встречи состоятельных людей из богатых районов Стамбула: Бейоглу, Шишли и Нишанташи. (Их газетчики в колонках светских сплетен насмешливо именовали «сосьетэ».) Владельцы роскошных, в европейском духе, ресторанов не стремились давать им громкие и торжественные названия вроде «Амбассадор», «Мажестик» или «Роял», а скромно нарекали «Кулисами», «Лестницами» или «Фойе». Эти названия, навевавшие нечто европейское, в то же время напоминали, что находимся мы лишь на окраине Запада, в Стамбуле. Прошло время, и новое поколение богачей снова предпочло домашнюю еду, какую готовили их матери. И сразу повсюду появились «Каравансарай», «Султаны», «Паши» и «Визири», где традиционная еда соединялась с типично восточной помпезностью, а все «Фойе» и «Кулисы» забылись и быстро исчезли.

Вечером того дня, когда я купил сумку, за ужином в «Фойе» я предложил Сибель:

— Давай встречаться в маминой старой квартире, в «Доме милосердия»? Может, так будет лучше? Там вид из окон на красивый сад.

— Ты что, торопишься, боишься до свадьбы не успеть, пока мы не переедем в наш собственный дом? — улыбнулась Сибель.

— Нет, дорогая, не тороплюсь.

— Не хочу больше встречаться с тобой тайком, будто я твоя любовница и в чем-то виновата.

— Ты права...

— Откуда тебе вдруг пришло в голову такое?

— Забудь. — Я поспешил сменить тему.

Вокруг гудела веселая толпа посетителей «Фойе». Я вытащил пакет с подарком.

— Что это? — удивилась Сибель.

— Сюрприз! Открой посмотри.

— Ой, подарок! — Детская радость, засиявшая на ее лице, когда она брала у меня пакет, сменилась выражением недоумения, когда Сибель вытащила сумку, а потом уступила место разочарованию, которое она попыталась скрыть.

— Помнишь, — поспешно объяснил я, — вчера ты увидела ее в витрине?

— Спасибо. Ты очень внимателен.

— Рад, что тебе понравилось. Эта сумка к помолвке.

— К сожалению, я давно решила, что возьму на помолвку, — ответила Сибель. — Не обижайся! Ты такой заботливый, и подарок чудесный... Только вот... Я все равно не взяла бы эту сумку, потому что она — подделка!

— Как это?

— Это не настоящая «Женни Колон», милый мой Кемаль...

— Откуда ты знаешь?

— По всему видно, милый. Смотри, как пришит лейбл. А теперь посмотри на настоящую сумку «Женни Колон», которую я купила в Париже, — видишь, какая строчка! «Женни Колон» не напрасно считается самой дорогой маркой во всем мире, а не только во Франции. У подлинной никогда не будет таких дешевых ниток...

Глядя на швы настоящей сумки, я начал раздражаться оттого, что моя будущая жена выговаривала мне все это

с видом торжествующего победителя. Иногда Сибель ощущала неловкость, что она — дочь потомственного дипломата, который спустил до нитки все состояние и земли, доставшиеся в наследство от дедушки-паши. Поддаваясь подобным чувствам, она принималась рассказывать, что ее бабушка по отцу играет на пианино, а дедушка выступал соратником Ататюрка во время освободительной войны или что ее дед по матери был приближенным Абдул-Хамида¹. Мне она очень нравилась в эти мгновения, и я привязывался к ней еще больше. Что касается нашего семейства — Басмаджи, то мы разбогатели в начале 1970-х годов, когда возросли объемы производства и экспорта турецкого текстиля, население Стамбула увеличилось в три раза, а цены на землю в городе и особенно в нашем районе поднялись в несколько раз. Хотя, как явствовало из самой фамилии Басмаджи², уже три поколения в нашей семье занимались текстилем. Однако, несмотря на результаты славного труда предков, меня раздосадовала допущенная оплошность: дорогая сумка оказалась явной подделкой.

Сибель погладила меня по руке и спросила:

— Сколько ты заплатил за нее?

— Полторы тысячи лир. — Я не смог соврать. — Если тебе она не подходит, завтра поменяю.

— Не надо, дорогой мой, лучше попроси вернуть деньги. Ведь тебя здорово надули.

— Хозяйка магазина Шенай-ханым наша дальняя родственница! — возмущенно сказал я, изображая негодование, и принялся опять рассматривать сумку изнутри.

Сибель взяла ее у меня из рук. «Милый, ты такой грамотный, такой умный, такой образованный, но совершенно не знаешь, на какой обман способны женщины», — умиленно улыбнулась она.

¹ Султан Абдул-Хамид II (1842—1918) — предпоследний, 34-й султан Османской империи, правивший с 1876 по 1909 год.

² Басмаджи — в переводе с турецкого «печатник», «набивщик ситца».

На следующий день я вновь направился в бутик «Шанзелизе» с тем же пакетом в руках. Опять зазвенел колокольчик, и опять передо мной открылся прохладный полумрак магазина. Внутри царила таинственная тишина, и я подумал, что тут нет ни души, как вдруг раздались канареечные трели. На ширме, стоявшей за огромным цикламеном, показалась тень Фюсун, помогавшей какой-то полной клиентке выбирать наряды. Теперь на ней была прелестная блузка в цветочек — гиацинты, васильки и мелкие листики, — которая очень ей шла. Завидев меня, она мило улыбнулась.

— Ты, наверное, занята, — показал я взглядом в сторону примерочной.

— Подождите минуточку, — загадочно улыбнулась она, словно собираясь поведать старому клиенту все секреты магазина.

Канарейка прыгала по клетке, я засмотрелся на модные журналы и всякие европейские вещицы, но ничто не увлекало меня. Смятение чувств не давало покоя: мне казалось, будто я знаю эту девушку очень давно и так же хорошо, как себя. Я вдруг вспомнил, что в детстве у нас обоих были темные вьющиеся волосы, а когда мы подросли, они и у меня, и Фюсун распрямились. На миг мне даже почудилось, что я мог бы вполне заменить ее. Шелковая блузка прекрасно подчеркивала нежный тон кожи Фюсун и светлые пряди ее крашенных волос. Сердце зацарапало от боли, когда я вспомнил, как мои приятели называли ее «штучка из „Плейбоя“». Неужели она встречалась с кем-то из них? «Отдай сумку, заberi деньги и уходи. У тебя скоро помолвка», — велел я себе. И посмотрел из окна на улицу, в сторону площади Нишанташи, но вскоре на стекле появилось, словно призрак, отражение Фюсун.

Когда полная дама, долго мерившая платья, ушла, тяжело вздыхая, так ничего и не купив, Фюсун принялась раскладывать наряды по местам.

— Вчера вечером я видела вас обоих на улице, — сказала она, нежно улыбаясь.

Тут я разглядел, что ее соблазнительные губы оттенены светлой розовой помадой. Явно простой, дешевой, но смотревшейся превосходно.

— Когда же это ты нас видела? — спросил я.

— Под вечер. Вы были с Сибель-ханым, а я шла по противоположной стороне. Вы собирались ужинать?

— Да.

— Вы такая красивая пара! — опять улыбнулась она с видом старушки, устроившей счастье молодых.

Я не спросил, откуда она знает Сибель.

— Тогда у нас к тебе маленькая просьба, — и вытащил сумку. — Я хочу ее вернуть. — Но тут же ощутил стыд и волнение.

— Конечно, давайте поменяем. Я подберу вам какие-нибудь перчатки или хотите эту шляпку? Ее только что привезли из Парижа. Что, Сибель-ханым сумка не понравилась?

— Не надо менять, — произнес я смущенно. — Мне хотелось бы получить деньги обратно.

— Почему? — спросила она.

— Потому что эта сумка — не настоящая «Женни Колон», а подделка, — прошептал я.

На ее лице появилась растерянность, даже страх.

— Как это?

— Я в этом не разбираюсь, — отчаянно выдавил я из себя.

— Не может быть! Мы порядочные люди! — резко произнесла она. — Вам деньги вернуть прямо сейчас?

— Да!

Ее лицо исказилось от боли и стыда. «Господи, — подумал я, — почему мне в голову не пришло просто выкинуть эту сумку, а Сибель сказать, что деньги возвращены?»

— Послушайте, — попытался я исправить ситуацию, — вы или Шенай-ханым тут вовсе ни при чем. Просто мы,

турки, слишком быстро учимся копировать модные европейские штучки. Мне лично важно, чтобы сумка была удобной и красивой. А какой она марки, кто ее сделал — без разницы.

Однако мои слова прозвучали неубедительно.

— Подождите, сейчас я верну вам ваши деньги, — сухо сказала Фюсун.

Стыдясь своей грубости и смущенно уставившись перед собой, я замолчал. Но тут, несмотря на всю тяжесть моего постыдного положения, заметил, что Фюсун не может выполнить обещанное. Она растерянно смотрела на кассу, точно на лампу с джином, и не подходила к ней. Потом лицо ее внезапно покраснело и из глаз покатились слезы. Я приблизился к ней.

Она тихонько плакала. Не могу вспомнить, как вышло, что я обнял ее. А она стояла, прижавшись головой к моей груди, и всхлипывала.

— Извини, Фюсун, — шептал я, глядя ее мягкие волосы, ее лоб. — Пожалуйста, забудь обо всем. Это же всего-навсего сумка.

Она глубоко вздохнула, как ребенок, и заплакала еще сильнее. У меня закружилась голова оттого, что я касаюсь ее длинных изящных рук, ощущаю упругую грудь, что стою и обнимаю Фюсун. Меня снова окатило такое чувство, будто мы всегда были близки. Наверное, я сам усиливал его, потому что хотел не замечать желание, поднимавшееся во мне при каждом прикосновении к ней. В тот момент она оставалась милой сестричкой, грустной и красивой, которую нужно утешить. В какой-то миг мне почудилось, что наши тела словно отражения друг друга: эти длинные руки, стройные ноги, хрупкие плечи... Если бы я был девушкой, да еще и моложе на двенадцать лет, мое тело оказалось бы точь-в-точь таким же.

— Не из-за чего расстраиваться, — приговаривал я, глядя длинные светлые волосы.

— Я не могу сейчас открыть кассу и отдать вам деньги, — сумела наконец проговорить она. — Шенай-ханым,

уходя на обед, закрывает кассу на ключ, а ключ уносит с собой. Это всегда меня задевало. — Она опять заплакала, прижавшись головой к моей груди. Я продолжал медленно, нежно гладить ее прекрасные волосы. — Я работаю здесь, чтобы знакомиться с людьми, чтобы интересно проводить время, а не ради денег, — продолжала всхлипывать Фюсун.

— Люди и из-за денег работают, — не подумав, подправил я.

— Да уж, — вздохнула она с видом обиженного ребенка. — У меня отец на пенсии, бывший учитель... Две недели назад мне исполнилось восемнадцать лет, и я решила перестать быть для родителей обузой.

Змей страсти все выше поднимал во мне коварную голову, и я, испугавшись, убрал руку от ее волос. Она сразу это почувствовала, сделала над собой усилие успокоиться, и мы отошли друг от друга.

— Пожалуйста, не говорите никому, что я плакала, — попросила она, промакивая платком глаза.

— Обещаю, Фюсун, — улыбнулся я. — Клянусь, это будет нашей общей тайной!

Она посмотрела на меня, будто удостовераясь в истинности моих слов.

— Пусть сумка останется здесь, — предложил я. — А за деньгами приду потом.

— Конечно оставляйте, только сами за деньгами не приходите, — умоляюще сказала Фюсун. — Шенай-ханым замучит вас, будет твердить, что сумка не поддельная.

— Тогда давай на что-нибудь поменяем, — меня устроил бы теперь любой вариант.

— Нет, я не согласна. — Она, как обидчивая школьница, упрямо отвергла мое предложение.

— Да ладно тебе, это не важно...

— Для меня важно, — гордо возразила Фюсун. — Когда Шенай-ханым вернется, я сама заберу у нее деньги.

— Не хочу, чтобы тебе попало от нее. — Я не сдавался.

— Ничего. Справлюсь. — Улыбка озарила ее розовым светом. — Скажу, что у Сибель-ханым уже есть точно такая сумка, поэтому вы ее и вернули. Идет?

— Хорошая мысль, — согласился я. — Тоже скажу это Шенай-ханым.

— Нет, вы ей, пожалуйста, ничего не говорите. Она сразу начнет вас расспрашивать. И в магазин больше не приходите. Я оставлю эти деньги тете Веджихе.

— Ой, ради бога, давай не будем вмешивать мою маму. Она слишком любопытная.

— А где мне тогда оставить вам деньги? — спросила Фюсун, выказав удивление одним взмахом ресниц.

— В «Доме милосердия», проспект Тешвикие, сто тридцать один, у мамы есть квартира, — объяснил я. — Перед тем как уехать в Америку, я часто уединялся там, читал, слушал музыку. Там очень хорошо, из окон виден красивый сад... Да и сейчас каждый день, с двух до четырех, я хожу туда после обеда.

— Хорошо. Я и принесу туда ваши деньги. Какая квартира?

— Четыре, — тихо сказал я. Еще тише прозвучали следующие слова: — Второй этаж. До свидания.

Ведь мое сердце сразу разобралось в том, что происходит, и теперь колотилось как сумасшедшее. Прежде чем броситься на улицу, я, собрав все силы, в последний раз постарался взглянуть на нее как ни в чем не бывало. Но стоило мне сбежать из магазина, стыд и раскаяние смешались с моими радужными фантазиями, и от чувства едкой радости тротуары Нишанташи на чрезмерной майской полуденной жаре загадочным образом начали казаться мне ярко-желтыми. Ноги вели меня далеко от тени, от плотных козырьков и тентов в сине-белую полоску, прикрывавших витрины, и вдруг в одной из них я увидел ярко-желтый графин, и какой-то внутренний голос подсказал мне купить его. В отличие от других вещей, приобретенных беспричинно, этот желтый графин простоял на нашем обеденном столе — сначала на столе родителей, а потом

у нас с матерью — без малого двадцать лет. Всякий раз, прикасаясь к его ручке за ужином, я вспоминал дни, когда страдания, которые преподнесла мне жизнь, из-за которых в каждом грустном и немного сердитом взгляде матери сквозил немой укор, только начинались.

Заметив, что я пришел домой сразу после обеда, мать удивленно посмотрела на меня. Я поцеловал ее и рассказал, как шел по улице и мне взбрело в голову купить кувшин. А потом попросил: «Мам, дай мне ключ от твоей квартиры. Иногда у меня в кабинете собирается столько людей, что невозможно работать. Наверное, в уединении будет лучше. Во всяком случае, раньше там было очень хорошо».

Мать предупредила: «Там все в пыли», но сразу же принесла ключи и от квартиры, и от уличной двери, связанные красной лентой. «Помнишь вазу из Кютахьи в красный цветочек? — спросила она, отдавая ключи. — Никак не могу найти ее дома. Посмотри, может, я туда ее отнесла? И не сиди за столом слишком долго. Ваш отец всю жизнь положил, чтобы вы, дети, жили в свое удовольствие. Гуляйте с Сибель, наслаждайтесь весной, веселитесь, будьте счастливы. — Она вложила мне ключ в ладонь, загадочно посмотрела на меня и добавила: — Будь осторожен». Когда она смотрела на нас с братом подобным образом в детстве, ее взгляд намекал на гораздо более серьезные скрытые опасности, которыми так щедра жизнь, нежели опасность потерять ключ.

7

«Дом милосердия»

Мать купила ту квартиру в «Доме милосердия» двадцать лет назад — и в качестве вложения капитала, и чтобы было место, где она оставалась бы одна и могла отдохнуть. Однако квартира вскоре превратилась в склад для старых, ненужных, немодных или надоевших ей вещей, которые

жалко выбросить. Название этого дома, стоявшего в тени высоких деревьев сада, расположившегося во дворе соседнего полуразрушенного особняка Хайреттина-паши, где постоянно гоняли в футбол мальчишки, с детства казалось мне забавным, а мать любила повторять его историю.

После того как в 1934 году Ататюрк ввел для всех турок обязательно, помимо имени, указывать и фамилии, в Стамбуле множество вновь построенных домов стали называться по фамилиям владевших ими семейств. Это оказалось весьма уместным, так как во времена Османской империи ни названий улиц, ни нумерации зданий в Стамбуле не существовало и знаменитые роды отождествлялись у людей с особняками, где они жили все вместе. Кроме того, появилась мода нарекать семейные гнезда по величайшим нравственным ценностям. Правда, мама говорила, что те, кто называл построенные ими особняки «Свободой», «Милостью» или «Добродетелью», в жизни ничем таким не отличались.

Строительство «Дома милосердия» начал в Первую мировую войну один старый толстосум, всю жизнь торговавший сахаром и игравший на черной бирже, но в конце дней своих ощутивший угрызения совести. Оба его сына (дочь одного из них училась вместе со мной в начальной школе), поняв, что отец решил заняться благотворительностью, а потому доход от дома собирается раздавать беднякам, уговорили некоего лекаря объявить отца сумасшедшим и упрятали его в лечебницу для душевнобольных, присвоив себе «Милосердие». Только вот благое название так и не сменили.

В среду, 30 апреля 1975 года, на следующий день после нашего с Фюсун разговора, с двух до четырех часов дня я ждал ее в условленном месте, но она не пришла. Мысли путались и вводили в уныние, обида не давала дышать; возвращаясь к себе в контору, я очень нервничал. На следующий день снова пошел туда, будто квартира могла придать мне спокойствия. Фюсун опять не появилась. В душевных

комнатах, среди старой одежды и пыльных ваз, брошенных здесь матерью, я находил предметы, оживлявшие в моей памяти мгновения детства и юности, которые настолько стерлись, что нельзя было даже припомнить, когда они потеряли свои очертания; я рассматривал старые любительские фотографии, сделанные отцом, и сила предметов понемногу обуздывала мое смятение.

Еще через день, сидя за обедом в Бейоглу, в ресторане «Хаджи Ариф», со своим бывшим армейским сослуживцем Абдулькеримом, которому мы давно поручили представлять интересы фирмы в Кайсери, я со стыдом подумал, что уже два дня подряд жду Фюсун в пустой квартире. Мне захотелось поскорее забыть обо всем — и о Фюсун, и об истории с поддельной сумкой. Но через двадцать минут я посмотрел на часы и представил, что Фюсун, может быть, именно сейчас идет к «Дому милосердия», чтобы вернуть мне деньги. Наврав Абдулькериму про какое-то внезапное срочное дело, я быстро доел обед и побежал туда.

Фюсун позвонила в дверь ровно через двадцать минут после моего прихода. По крайней мере, я надеялся, что это она, когда шел открывать. Накануне мне приснилось, как я распахиваю дверь и вижу ее.

В руках она держала зонтик, а с волос стекала вода. На ней было желтое платье в горошек.

— Я думал, ты меня уже забыла. Ну,ходи.

— Не хочу вас беспокоить. Только отдам деньги. — Фюсун протянула мне помятый конверт, на котором значилось «Высшие подготовительные курсы», но я его не взял. Притянув за плечо, завел ее в квартиру и закрыл дверь.

— Дождь очень сильный, — пробормотал я первое, что пришло на ум, хотя в окно ничего не заметил. — Посиди немного, не надо мокнуть. Я как раз ставлю чай, согреешься.

Вернувшись с кухни, я увидел, как Фюсун рассматривает старые мамины вещи, одежду, чашки, трубки, покры-

тые пылью часы, коробки для шляп и прочий хлам. Чтобы она почувствовала себя увереннее, я попытался развеселить ее, поведав в красках, с какой страстью мама скупала эти вещи в самых модных магазинах Нишанташи и Бейоглу, на распродажах имущества из особняков османских пашей или из полустгоревших летних вилл и даже из расформированных дервишских обитателей-текке, а также во всевозможных магазинах, магазинчиках и антикварных лавках по всей Европе. И как, едва попользовавшись ими, тут же отвозила сюда, чтобы забыть о них навсегда. Рассказывая, я открывал шкафы, откуда пахло нафталином и пылью. Потом показал старый ночной горшок, кюта-хийскую вазу с красными цветочками (ту самую, что мать просила меня поискать) и маленький трехколесный велосипед, на котором мы оба с Фюсун катались в детстве (старые детские велосипеды мама всегда отдавала бедным родственникам).

Хрустальная конфетница напомнила мне о былых праздничных застольях. Когда маленькая Фюсун приходила к нам по праздникам в гости с родителями, то леденцы, засахаренный миндаль, марципаны, грецкие орехи в меду и лукум подавались именно в этой конфетнице.

— Помните, однажды на Курбан-байрам мы пошли с вами гулять, а потом катались на машине. — Фюсун оживилась, и глаза ее засияли.

Картина той прогулки предстала перед глазами, словно все происходило вчера.

— Ты тогда была еще совсем ребенком. А сейчас превратилась в красивую молодую женщину.

— Спасибо, — смутилась она. — Мне пора идти.

— Ты еще не выпила чая. И дождь еще не кончился.

Я подвел ее к балконной двери и слегка раздвинул тюлевую занавеску. Фюсун с любопытством посмотрела на улицу, как дети, которые, впервые попав в новый дом, удивленно рассматривают все вокруг, или как совсем юные люди, в которых еще не угас интерес ко всему и есть открытость, потому что они не знают страданий. Мгновение

я с желанием смотрел на ее затылок, шею, ее кожу, на бархатистые щеки, на крохотные родинки, незаметные издали (а ведь у моей бабушки тоже была на шее выпуклая родинка!). Моя рука потянулась сама собой и погладила ее заколку в волосах. На заколке было четыре цветка вербены.

— У тебя волосы совсем мокрые.

— Вы кому-нибудь говорили, что я тогда... в магазине... не сдержала слез?

— Нет. Но мне любопытно, отчего ты плакала.

— Любопытно? Вам?

— Я очень много думал о тебе. — Мой тон сделался еще нежнее. — Ты очень красивая, не такая, как все. Я хорошо помню тебя маленькой хорошенькой смуглой девочкой. Но и представить себе не мог, какой красавицей будешь.

Сдержанно улыбнувшись, как все красивые и хорошо воспитанные девушки, привыкшие к комплиментам, она в то же время недоверчиво подняла брови. Воцарилось молчание. Фюсун отступила от меня на шаг.

— Что сказала Шенай-ханым? — перевел я разговор на другую тему. — Она согласилась с тем, что сумка поддельная?

— Сначала возмутилась. Но, поняв, что вы решили не раздувать историю, а просто вернули сумку и просите назад деньги, нашла разумным обо всем забыть. Меня она тоже попросила об этом. Думаю, она знает, что сумка поддельная. А о том, что я пошла сюда — нет. Я сказала ей, что вы сами заходили в тот день после обеда и забрали деньги. Извините, но мне пора.

— Без чая не годится!

Я принес из кухни чай. Смотрел, как она легонько дует на него, чтобы остудить, а потом осторожно пьет, по глотку. Я смотрел на нее со смешанным чувством — чем-то средним между смущением и восхищением, радостью и нежностью... Моя рука опять потянулась, словно сама собой, и погладила ее по волосам. Я приблизил голову к ее лицу,

но она не отодвинулась, и тогда я поцеловал ее в уголок рта. Фюсун густо покраснела. Так как обе руки у нее были заняты горячей чашкой, она не могла отстранить меня. Я чувствовал, что она и сердится, и совершенно растеряна.

— Вообще-то, я очень люблю целоваться, — смело сказала она затем. — Но сейчас, с вами, это совершенно невозможно.

— Ты много целовалась? — спросил я неуклюже, пытаясь казаться беспечным.

— Конечно. Но и только.

Она в последний раз окинула комнату, все вещи и кровать с голубой простыней, нарочно оставленную мной не убранной, таким взглядом, в котором читалась убежденность, что все мужчины одинаковы. Видно было, что она сразу сделала обо мне соответствующие выводы, но мне в голову, возможно от стыда, не пришло ничего, что позволило бы продолжить эту игру.

Сувенирная феска, лежащая сейчас в моем хранилище воспоминаний, попалась мне как-то на глаза в одном из шкафов, и я украсил ею журнальный столик. Фюсун прислонила к феске полный конверт денег. Она видела, что я краем глаза уловил движение, однако все равно сопровождала его словами: «Я конверт вон туда положила...»

— Ты не можешь уйти, не допив чая.

— Я опаздываю, — сказала она, не поднимаясь с места.

За чаем мы вспоминали наше детство, родственников. Ее семья всегда побаивалась моей матери, однако по иронии судьбы та больше всех уделяла внимания маленькой Фюсун. Всякий раз, когда тетя Несибе приходила к нам на примерку и приводила дочку с собой, мать давала ей наши игрушки — заводных курицу с собачкой, которых Фюсун очень любила и боялась сломать, а каждый год, пока она не поучаствовала в том конкурсе красоты, посылала ей с водителем Четином-эфенди подарки ко дню рождения: один из подарков — калейдоскоп — хранится у нее до сих пор... Если мать посылала одежду, то покупала ее

на несколько размеров больше — на вырост. Как-то раз она прислала шотландскую юбку в крупную клетку, которую Фюсун смогла надеть только год спустя: но она так ее полюбила, что, когда выросла из нее, носила как мини-юбку, хотя та совсем вышла из моды. Я сказал, что видел ее однажды в этой юбке в Нишанташи. Но мы тут же заговорили о другом, словно боясь, что речь пойдет о ее тонкой талии и стройных ножках. Мы вспомнили дядю Сюрею. Он жил в Германии и отличался некоторыми странностями, но, приезжая в Стамбул, непременно навещал всю родню; благодаря ему все ветви большого рода, давно порвавшие отношения, получали друг о друге известия.

— Утром в тот день, когда был Курбан-байрам и мы поехали кататься на машине, дядя Сюрея тоже был у вас дома, — припомнила Фюсун. Потом быстро встала, надела плащ и начала безуспешно искать зонтик. Поиски ни к чему не привели, потому что, готовя чай, я незаметно спрятал его в прихожей за вешалку.

— Ты что, не помнишь, куда его положила? — стараясь не выдать себя, недоумевал я, разыскивая зонтик вместе с ней.

— Я оставила его здесь, — растерянно показала Фюсун на вешалку.

Пока мы обыскивали вдвоем всю квартиру, заглянув даже в самые необычные места, я, выражаясь излюбленными фразами глянцевого журнала, поинтересовался, как она проводит свое свободное время. В прошлом году она не сумела поступить в университет, так как не набрала нужного количества баллов для того отделения, куда ей хотелось. А сейчас, в свободное от бутика «Шанзелизе» время, ходит на Высшие подготовительные курсы. Сейчас она много занимается, потому что до вступительных экзаменов осталось сорок пять дней.

— Куда ты хочешь поступить?

— Не знаю, — ответила она, слегка смутившись. — Вообще-то, мне хотелось поступить в консерваторию и стать актрисой.

— На этих курсах только время впустую потратишь, там все ради денег. — Мой тон напоминал наставления учителя. — Если у тебя трудности по каким-либо предметам, особенно по математике, приходи сюда. Я каждый день бываю здесь после обеда, чтобы поработать в одиночестве. И быстро тебе все объясню.

— Вы и с другими девушками здесь математикой занимаетесь? — Казалось, она прочитала мои мысли, выдав себя лишь насмешливым движением бровей.

— Других девушек нет.

— Сибель-ханым бывает у нас в магазине. Она очень красивая, очень приятная девушка. Когда у вас свадьба?

— У нас помолвка через полтора месяца. Этот зонтик тебе подойдет?

Я предложил ей летний зонтик, купленный матерью в Ницце. Она сказала, что не может появиться в магазине с ним. К тому же теперь ей хотелось непременно уйти, и зонтик был уже не так и важен: «Дождь, кажется, закончился». Когда она стояла в дверях, я с тревогой почувствовал, что больше никогда не увижу ее.

— Пожалуйста, приходи еще, и просто попьем чая, — попросил я.

— Не обижайтесь, Кемаль-бей, но я не хочу приходить. Вы сами знаете, я больше не приду. Не беспокойтесь, я никому не скажу, что вы меня целовали.

— А что с зонтиком?

— Зонтик Шенай-ханым, да бог с ним, — ответила она и, торопливо запечатлев у меня на щеке не лишенный чувственности поцелуй, ушла.

8

Первый турецкий фруктовый лимонад

Не могу упустить из виду газетные страницы с рекламными фотографиями первого турецкого фруктового лимонада «Мельтем» и сам этот лимонад с клубничным,

СОДЕРЖАНИЕ

1. Счастливейший миг моей жизни	7
2. Бутик «Шанзелизе»	9
3. Дальние родственники	12
4. Любовь в директорском кабинете	16
5. Ресторан «Фойе»	18
6. Слезы Фюсун	21
7. «Дом милосердия»	26
8. Первый турецкий фруктовый лимонад	33
9. Ф	35
10. Огни города и счастье	40
11. Курбан-байрам	43
12. Поцелуи в губы	52
13. Любовь, смелость, современность	61
14. Улицы, скверы, мосты и площади Стамбула	67
15. Некоторые неблагопристойные антропологические детали	74
16. Ревность	78
17. Теперь моя жизнь связана с твоей	82
18. История Белькыс	88
19. Похороны	96
20. Два условия Фюсун	100
21. История отца: жемчужные сережки	104
22. Рука Рахми-эфенди	113
23. Молчание	116
24. Помолвка	121
25. Боль ожидания	169
26. Где возникает любовная боль?	172
27. Слезай, упадешь!	177
28. Вещи умеют утешать	180
29. Теперь я каждую минуту думал о ней	184
30. Фюсун больше нет	186
31. Улицы напоминали мне о ней	189
32. Призраки Фюсун	191
33. Неловкие попытки отвлечься	194
34. Как собака в космосе	199
35. Первые экспонаты музея	204
36. Маленькая надежда облегчить боль	206
37. Пустая квартира	211
38. Последний праздник лета	213

39. Признание	218
40. Утехи загородной жизни	222
41. Плавание на спине	224
42. Осенняя тоска	226
43. Холодные одинокие ноябрьские дни	234
44. Гостиница «Фатих»	239
45. Поездка на Улудаг	246
46. Можно ли бросать невесту перед свадьбой?	249
47. Смерть отца	256
48. Главное в жизни — быть счастливым	264
49. Я собирался предложить ей стать моей женой	269
50. Я больше не буду встречаться с ней	281
51. Счастье — это быть рядом с человеком, которого ты любишь	291
52. Фильм про жизнь и страдания должен быть искренним	299
53. От обид и разбитого сердца никому пользы нет	311
54. Время	323
55. Приходите завтра снова, снова посидим	331
56. Кинокомпания «Лимон-фильм»	343
57. Когда невозможно уйти	352
58. Лото	364
59. Как провести сценарий через цензуру	377
60. Вечера на Босфоре в ресторане «Хузур»	386
61. Взгляды	395
62. Лишь бы прошло время	402
63. Колонка светских сплетен	411
64. Пожар на Босфоре	421
65. Собаки	428
66. Что это?	434
67. Одеколон	438
68. 4213 окурков	449
69. Иногда	455
70. Разбитые жизни	461
71. Вы к нам теперь совсем не приходите, Кемаль-бей	468
72. Жизнь как любовь	478
73. Фюсун учится водить машину	483
74. Тарык-бей	500
75. Кондитерская «Жемчужина»	513
76. Кинотеатры Бейоглу	521
77. Гостиница «Семирамида»	532
78. Летняя гроза	542
79. Дорога в другой мир	547
80. После	555
81. Музей Невинности	561
82. Коллекционеры	571
83. Счастье	579
Список действующих лиц	604

Литературно-художественное издание

ОРХАН ПАМУК
МУЗЕЙ НЕВИННОСТИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Ирина Киселева, Нина Тюрина, Елена Шнитникова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 10.10.2018. Формат издания $75 \times 100 \frac{1}{32}$.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 26,79. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах

на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-VAK-18161-06-R